

НЕ О ВОЙНЕ, А О ЛЮБВИ

ПИСАЛ ЖЕНЕ КОМПОЛКА КУТЕПОВ ИЗ-ПОД МОГИЛЕВА В ИЮЛЕ-41

8 июля 1941г.
Здравствуй моя любимая Зина!
Получил парочку писем и сейчас
Зайцев несет ко почте 1300 руб.
что отправить в Германию.
Живем по-прежнему по-
до тем же. В лесу хорошо.
Ни один не умирает. Сидим
работаем. Сидим, сидим
здорово, хата и не раз-
ломана, так же и по-
прежнему. Хотя иногда
но это далеко не все.
Все в порядке. Живем и
здорово, мало же же-
лания и любви.
Вам пока и все, всего же
любимой.
Мой адрес: Действующая
армия, постои, полка 172-й стрелковой
и 100. 388 стр. полка
Кутепову С.К.

28 июня 1941-го полковник Семен Кутепов вырвал из блокнота листок, достал из планшетки карандаш и, устроившись поудобнее, написал под стук железнодорожных колес жене Зине: «Моя дорогая! Еду на Запад, едим хорошо, дорогой выпались. Тепло, идет мелкий дождь. Стоим на разъезде, кругом лес, прекрасная погода. В дороге с удовольствием грызу положенные тобой «семечки с медом». Расти ребят, пускай набираются здоровья. Если тебе будет скучно, найми хорошую работницу и поступай работать... Я, как мы все, надеем-

ся скоро возвратиться с победой». Комполка 172-й стрелковой дивизии Кутепов ехал на войну. Меньше чем через месяц его уже не будет в живых. А кажется — будто отправляется человек к теплому морю — загорать, фруктов южных поесть, и с до-

роги беспокоится, как каждый из нас, о родных... 30 июня Могилев бомбили. Сбито три немецких самолета. Более 40 тысяч горожан вышли копать противотанковые рвы и траншеи. А Семен Кутепов 1 июля достанет все из того же блокнота очередной листок и напишет Зине из-под Могилева еще одно мирное письмо: «Живем в лесу, питаемся хорошо. За дорогу хорошо выпались. Ты не скучай, моя родная! Отдыхай, ходи с ребятами в лес. Собери мои разбросанные книги и тетради в ящик. Когда приеду — разберусь. Целую крепко, крепко. Ваш С.К.»

Будто нет ни бомбежек, ни выстрелов, ни смерти. Зачем беспокоить любимую женщину?

Читайте 6-ю стр.

НЕ О ВОЙНЕ, А О ЛЮБВИ

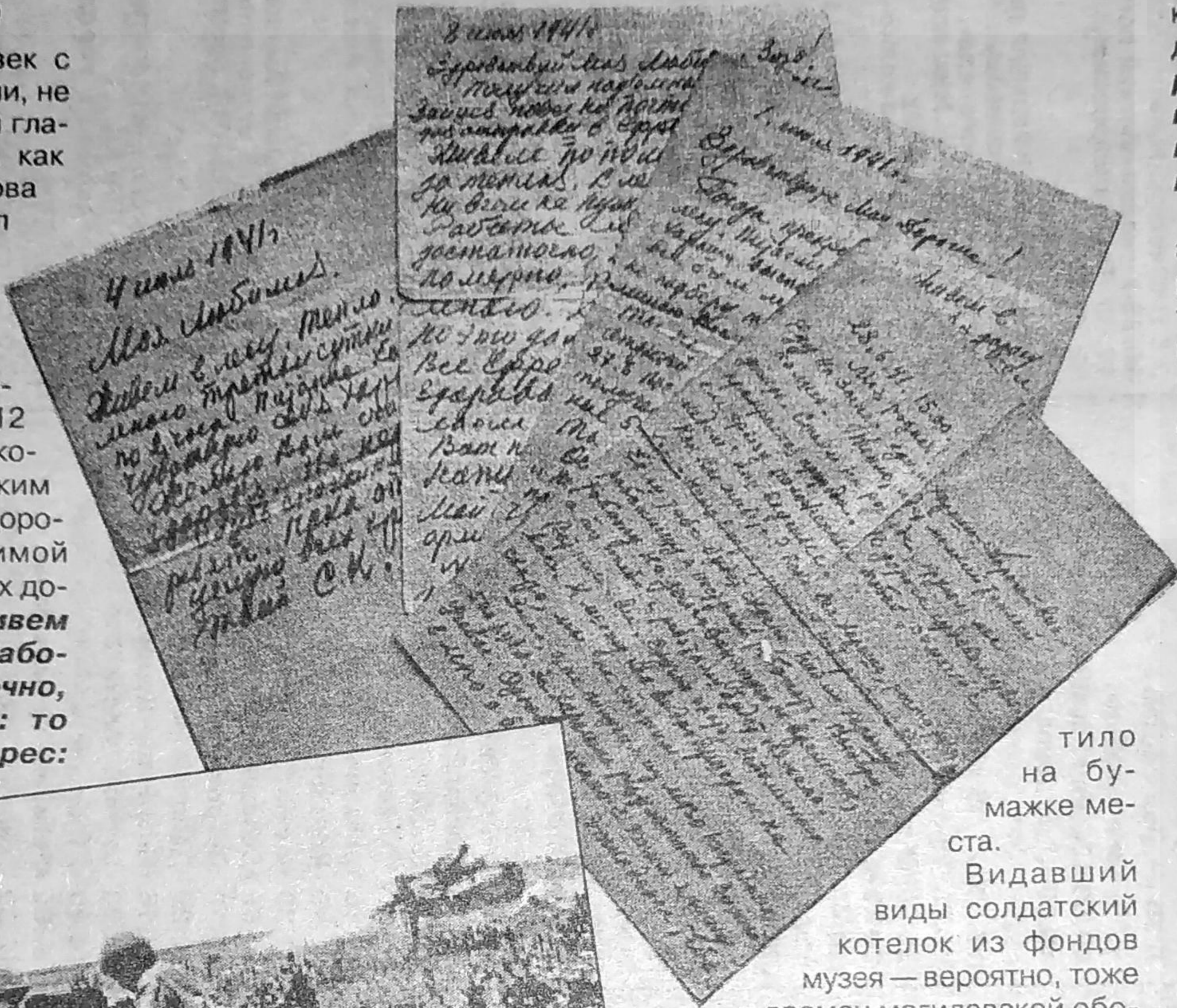
(Начало на 1-й стр.)

«Высокий худой человек с усталым лицом, с ласковыми, не то голубыми, не то серыми глазами и доброй улыбкой», как напишет потом про Кутепова Константин Симонов, думал о жизни, а не о смерти. Фашисты уже заняли Быхов, Бельнич, были в двух шагах от Могилева. И всего за три дня до кровопролитного 14-часового боя 12 июля на Буйничском поле, который был особенно жарким для кутеповцев, Семен Федорович пошлет своей «любимой Зозо» последнее из четырех дошедших до нас писем: **«Живем по-полевому, в лесу... Работы много, спим достаточно, хотя и неравномерно: то мало, то много. Мой адрес: действующая**

армия, 388-й стрелковый полк, полковнику Кутепову. Но я боюсь, что письма будут доходить не скоро».

Они вообще не могли пройти из глубокого немецкого тыла, в котором до 26 июля 41-го еще сражался Могилев. В ночь с 12 на 13 июля на позиции 388-го полка Кутепова прибыли военные корреспонденты Константин Симонов и Павел Трошкин. «В этот день, — писал Симонов, — был тяжелый бой. Полк разбил 40 немецких танков, но и сам истек кровью...» Как и когда погиб Кутепов — неизвестно. Скорее всего, его убило ночью с 25 на 26 июля, когда решено было выходить на прорыв тремя группами. По другой версии — он был ранен, оказался в плену, сидел в Бобруйской крепости, бежал, попал к партизанам и погиб в декабре 41-го.

Через 60 лет после начала Mogilevской обороны легендарный комполка Кутепов и писатель Симонов «встретились» еще раз в Могилевском областном краеведческом музее. Сын Кутепова Владимир передал два года назад те самые последние отцовские письма и его прижизненный портрет. А дети Симонова — Алексей и Мария, к которым ездил в Москву директор краеведческого музея Виктор

Анненков, — отдали знаменитую отцовскую трубку, пузырек изпод его лекарств с землей с Буйничского поля и частицами праха писателя, журнальные публикации. Мундштук симоновской трубки основательно изгрызен. Возможно, из нее Симонов дымил крепким табачком, когда писал свои «Живые и мертвые», «Разные дни войны»... Полковника и писателя давно нет на свете, но для нас звучат их голоса с войны.

Несколько тысяч документов и вещей с Великой Отечественной хранятся в областном краеведческом музее. Принадлежали они живым людям, из плоти и крови, которые, как и мы, нынешние, хотели жить, любить, растить детей. Если бы — не война. В 1964-м 9-летний сын Mogilevчанки Ольги Цецерской играл на стройке и обнаружил мину, а в ней — прощальную записку, написанную химическим карандашом: **«Умираем, но не сдаемся. Нас осталось в живых 3 человека: Михаил Фастин с Ленинграда, я с Донбасса и Владимир из Житомира. Прощайте, товарищи. Умираем, но не сдаем...»** Дописать записку защитникам Могилева не хва-

тило на бумажке места.

Видавший виды солдатский котелок из фондов музея — вероятно, тоже времен Mogilevской обороны. Не из него ли ел кашу кто-нибудь из солдат Кутепова? Процарапанная, скорее всего, черенком ложки надпись берет за живое: **«1941 г. Патронов нет. Погибаю, но не сдаюсь. Кавалев А.Н. Киев».**

Другого украинского хлопца, Федора Худейко, командира отделения полка Кутепова, скосила пулеметная очередь 12 июля, в тот самый горячий день, который описал в «Известиях» Симонов. Связкой гранат он подорвал гусеницу немецкого танка, а потом встал в полный рост, чтобы бросить бутылку с зажигательной смесью и добить машину... Из отделения Худейко, по воспоминаниям очевидцев, уцелело только два бойца. Жена Федора, Галя, 47 лет искала пропавшего без вести мужа. А говорят, что про такую любовь и верность пишут только в стихах и романах! Хоть семейное счастье их длилось перед войной всего три месяца, и сына своего Федор так и не увидел. Узнав с помощью ветеранов 172-й дивизии, что муж погиб на Буйничском поле, Галина подарила Могилевскому краеведческому музею самое дорогое — рушник, которым благословила их мать в день свадьбы с Федором.

Мама 15-летней Mogilevчанки-подпольщицы Люды Тимошенко когда-то принесла в музей дочкины листовки в стихах и пионер-

ский галстук. Ее девочка сочиняла стихи еще до войны, а стала работать на подполье — Людины стихотворные листовки расклеивались по Могилеву, придавали горожанам сил и мужества. Девочка откликалась стихами, как умела, на самые трагичные события — на публичную казнь на Советской площади 25 апреля 42-го, наводнение на Дубровенке... Фашисты арестовали Людочку и казнили. А ее голос «звучит» до сих пор: **«Вставайте! Край родной за вас! Вставайте, павшие герои! О, Гитлер, слышишь бури глас, мы все ж возьмем верх над тобою!»**

Связную и разведчицу партизанского отряда N 40 Марию Ховренкову со Шкловщины фашисты повесили в 43-м во дворе Оршанской тюрьмы. Изуродовали пытками так, что не рискнули даже устроить публичную казнь или показать народу в назидание тело. До родных дошла только старая плюшевая жакетка 28-летней Маши. Ее донашивали после войны, а распорили через 8 лет — в рукаве оказалась зашитой последняя Машина записка! Огрызком карандаша она написала на обратной стороне иллюстрации из 13-го тома собрания сочинений Пушкина полную любви и нежности записку родным и 6-летнему сыну Толику, которого брала с собой на опасные задания, как прикрытие:

«Обо мне не плачьте. О, как жалею вас всех, что вам много пережить. Прошу не плакать, не одна я такая. Сейчас много людей переживает всякого горя, жизни не жалея. Моя судьба такая, что сколько живу — столько и горю. Может, без меня сынок будет счастливее? Он и со мной горевал. А я его как надо не накормила, не одела. И сама — тоже». И — сыну: «Слушайся родных, хорошо учись, будь вежливым. Не кури, не ругайся, учись играть на гармошке и гитаре. Помни маму. Что она у тебя была. Я-таки утешалась тобой...» Когда записку нашли, Толика уже не было в живых. На его глазах в тюрьме пытали в войну родных. Тут и у взрослого нервы и психика не выдержат, а он — ребенок. По ночам мальчик кричал, звал маму. И умер от менингита в 48-м...

А Маша Ховренкова была отчаянно храброй женщиной! Устроилась в немецкую управу уборщицей, и ее комнатка рядом с кабинетом бургомистра стала местом встреч партизан и их связных. В огромном диване бургомистра в его кабинете(!) она хранила радиоприемник, пишущую машинку, листовки, оружие и гранаты! Многие ли отважились бы на такое?!

Войны проходят. А люди остаются. Даже после смерти...

**Лариса ЗИНЬКЕВИЧ.
Фото Олега ФОЙНИЦКОГО.**

Автор благодарит директора областного краеведческого музея Виктора Анненкова и старшего научного сотрудника Людмилу Кондратьеву за помощь при подготовке материала.